

УДК 398.22(=512.157)(=512.31)

А. Ф. Корякина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ЯКУТСКОГО И БУРЯТСКОГО ЭПОСОВ

Вопросы бытования, происхождения, стихосложения, композиции, сюжетики освещены во многих научных трудах национальных эпосоведов. Сегодня время выдвигает на первый план проблемы иного характера. Сравнительное исследование поэтики и стиля эпического произведения относится к одной из малоизученных проблем в современном эпосоведении. В связи с этим проведение сравнительных исследований якутского и бурятского народных эпических произведений, выявление общности и отличий их художественных структур, идейно-эстетического богатства, национального своеобразия и образности могли бы привести к выяснению истоков, вопросов бытования, путей происхождения, путей соприкосновения, взаимосвязи, взаимодействия олонхо и улигера. Сравнительное изучение эпосов может способствовать практическому решению вопроса об этнической схожести и своеобразии якутского и бурятского народов, историко-культурном взаимовлиянии на различных этапах их развития. Все это обуславливает актуальность темы исследования.

Олонхо и улигер неисчерпаемы по содержанию, многослойны по жанровому составу и разнообразны в формах проявления, отличаются полнотой сюжета и художественностью, отражают историко-этнические корни и генезис эпоса. Между двумя эпосами отчетливо прослеживается жанровое сходство, героичность описываемых событий, некоторая стилевая близость, богатство художественных средств, характеризующих поэтику эпосов, а также сходство мировоззренческих представлений и нравственных установок. Они показывают образную картину бытия, древнего быта, обычаев и чаяний народов, когда-то имевших тесные культурно-исторические связи.

Нами ведется сравнительный анализ образной системы «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Абай Гэсэр Могучий» в записи М. Имегенова с целью выявления общих и отличительных признаков. Анализируемый материал подтвердил тот факт, что зарождение и развитие олонхо и улигера протекало в условиях тесных культурно-исторических столкновений, взаимодействий, взаимовлияний данных народов на разных этапах своего развития в общем котле прототюрко-монгольских народов; что эпосы обоих народов возникли на стыке исторических судеб и древних духовных контактов многих племен и народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири, среди которых были предки тюрко-монгольских этносов.

Ключевые слова: памятники устного народного творчества, якутский эпос олонхо, бурятский улигер, жанрово-типологическая связь, сравнительный анализ, образная система, сражение богатырей с врагами-чудовищами, женские образы, противостояние добра и зла, схожесть и отличие образов.

А. Ф. Корякина

Comparative Analysis of Imaginary System of Yakut and Buryat Epics

Questions of existence, partly origin, prosody, composition and plot structure are covered in many scientific works of national scientists studying epic. Today, time is highlighting the problems of a different nature. Comparative study of poetics and style of epic relates to one of the little-known problems in modern epic study. In this regard, conducting of comparative studies of the Yakut and Buryat folk epics, identifying commonalities and differences of their artistic structures, ideological and aesthetic resources, national identity, and figurativeness could lead to the clarification of the sources, questions of existence, ways of origin, ways of contact, relationship, interaction of olonkho and uliger. Comparative studies of epics can contribute the practical solutions to questions about the ethnicsimilarities and uniqueness of Yakut and Buryat people, historical and cultural interrelation of the various stages of their development. All of this causes the relevance of the research topic.

Olonkho and uliger are inexhaustible by content, have multi-layered structure by genre and varied forms of manifestation. They are distinguished by most fully plot and artistry, and reflect the historical and ethnic roots and genesis of the epic. Between the two epics the genre similarity, heroism of the events, some stylistic closeness, wealth of artistic means that characterize the poetry of epics, as well as the similarity of worldviews and moral principles clearly betray. They show a figurative picture of existence, ancient way of life, customs and

КОРЯКИНА Антонина Федоровна – к. п. н., ученый секретарь НИИ Олонхо СВФУ им. М. К. Аммосова.
E-mail: institute-olonkho@mail.ru

KORIAKINA Antonina Fedorovna – scientific secretary of the Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, candidate of pedagogical sciences.
E-mail: institute-olonkho@mail.ru

aspirations once had close cultural and historical ties between peoples.

We conducted a comparative analysis of figurative system of Platon Alexeyevich Oyunsky's «Nurgun Botur The Swift» and «The Mighty Abai Geser» recorded by Manshud Imegenov, particularly in terms of identifying common and distinctive figurative systems of given epics. The analyzed material confirmed the fact that the inception and development of olonkho and uliger proceeded under the condition of close cultural and historical collisions, interactions, interferences of these nations at different stages of development in one pot of the Turkic-Mongolian people, that epics of both nations emerged at the intersection of historical destinies and ancient spiritual contacts of many tribes and peoples inhabited the territory of Central Asia and Southern Siberia, among which the ancestors of the Turkic-Mongolian ethnic groups were.

Keywords: monuments of oral folk traditions, the Yakut epic olonkho, Buryat uliger, genre-typological connection, comparative analysis, figurative system, heroes battle against the beast enemies, images of women, confrontation between «good» and «evil», similarity and difference of images.

Введение

Среди разных жанров устной поэзии якутов и бурят неоспоримое первенство всегда признавалось за олонхо и улигерами, которые по праву считаются уникальными образцами эпической традиции, вершиной устного народного творчества. Олонхо и улигер – эпические произведения о героической борьбе богатырей с врагами-чудовищами. Они создавались на протяжении длительного исторического времени, содержание их пополнялось, обогащалось, обновлялось.

О том, как высоко ценит якутский народ свое олонхо, написал Суорун Омоллон: «Олонхо для якутского народа – есть энциклопедия мудрости, его искусства и поэзии. Это музей, где собран весь алмазный фонд поэтического гения этого народа, все вершины духовного и материального творения его в прошлом» [1, с. 29]. «Великой центральноазиатской эпопеей» называет Гэсэриадэ С. Ю. Неклюдов [1, с. 68].

Вопросы бытования, происхождения, стихосложения, композиции, сюжетики освещены во многих научных трудах национальных эпосоведов. Сегодня время выдвигает на первый план проблемы иного характера. Сравнительное исследование поэтики и стиля эпического произведения относится к одной из малоизученных проблем в современном эпосоведении. В связи с этим проведение сравнительных исследований якутского и бурятского народных эпических произведений, выявление общности и отличий их художественных структур, идейно-эстетического богатства, национального своеобразия, образности могло бы привести к выяснению истоков, вопросов бытования, путей происхождения, путей соприкосновения, взаимосвязи, взаимодействия олонхо и улигера. Сравнительное изучение эпосов может способствовать практическому решению вопроса об этнической схожести и своеобразии якутского и бурятского народов, историко-культурном взаимовлиянии на различных этапах их развития. Все это обуславливает актуальность темы исследования.

Олонхо и улигер неисчерпаемы по содержанию, многослойны по жанровому составу и разнообразны в формах проявления, выделяются наибольшей полнотой сюжета и художественностью и отражают историко-эт-

нические корни и генезис эпоса. Между двумя эпосами отчетливо сквозит жанровое сходство, героичность описываемых событий, некоторая стиливая близость, богатство художественных средств, характеризующих поэтику эпосов, а также сходство мировоззренческих представлений и нравственных установок. Они показывают образную картину бытия, древнего быта и обычаев народов, имевших тесные культурно-исторические связи.

Древнюю жанрово-типологическую связь между олонхо и другими эпическими традициями народов Южной Сибири, Прибайкалья и Монголии в разные времена исследовали ученые В. М. Жирмунский [2], Н. В. Емельянов [3-6], Г. В. Ксенофонтов [6], Е. М. Мелетинский [7], А. П. Окладников [8], П. А. Ойунский [9], И. В. Пухов [10-11], М. И. Тулохонов [12], Г. У. Эргис [13] и др.

В работе ведется сравнительный анализ образной системы эпосов «Нюргун Боотур Стремительный» Платона Алексеевича Ойунского и «Абай Гэсэр Могучий» в записи Маншуда Имегенова с целью выявления общих и отличительных черт.

Об общности якутского олонхо с бурятским эпосом Г. У. Эргис писал так: «Среди эпических произведений других народов трудно указать на такие, которые бы соответствовали якутскому олонхо. Бурятские «улигеры» (или «онотхо») и монголо-ойратские «гули» наиболее близки к олонхо своей насыщенностью сказочными мифологическими элементами, композицией, а также отдельными эпическими мотивами и формулами» [13, с. 402].

По мнению И. В. Пухова, «... общность происхождения и культуры, а также территориальная близость», «сходство форм общественного развития» тюрко-монгольских народов привели к генетической общности и типологическому сходству их эпосов. Он исследовал типологическое сходство бурятского «Гэсэра» и якутского олонхо и обнаружил сходство в сюжете, композиции, образной системе, стиле [10].

Близость содержания, художественно-выразительных средств якутского и бурятского эпосов был отмечен А. П. Окладниковым: «Гипербологические описания

битвы богатырей в таких же формах свойственны эпосу монгольских племен, начиная с бурятских улигеров и кончая монголо-ойратскими былинами» [8, с. 32].

Древние представления народа о вселенной и небесных божествах

Олонхо и улигер отличаются большим объемом, это самые крупные произведения в системе стихотворных жанров якутского и бурятского фольклоров: олонхо достигает 30 и более тысяч стихотворных строк, а улигер – 20 тысяч строк и более. В олонхо П. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» свыше 36000 стихотворных строк, «Абай Гэсэр Могучий» в варианте М. Имегенова состоит из 10590 строк.

В олонхо, как и в улигере, отражены древние представления народа о вселенной и небесных божествах. Это выражено, прежде всего, в упоминании трех миров: подземного мира, земли и неба, в трактовке персонажей: в олонхо небесных божеств во главе с Юрюн Аар Тойоном и в улигере Эсэгэ Малана, Эхэ Юрэн, бабушки Малзан Гурмэн, Хан Хормусты – старших божеств бурятского пантеона, обитающих в надзвездном мире. Эти представления, описанные в «Нюргун Боотуре Стремительном» и «Абай Гэсэре Могучем», перекликаются с космогоническими мифами тюркоязычных народов Сибири, согласно которым вселенная состоит из трех сфер: верхнего (неба), среднего (земли) и нижнего (подземного) миров. По нашим наблюдениям, в олонхо средний и подземный миры описываются подробнее, чем в улигере, в эпосе о Гэсэре подробно говорится о верхнем мире, а о подземелье – неясно и неопределенно. Взаимосвязь трех миров описывается в отличающихся друг от друга картинах. Например, попавшего в бездну Юрюна Уолана освобождает шаманка Айыы Умсуур, спустив золотой шнур, свитый из священного волоса её божественного отца. Нюргун Боотур, Юрюн Уолан и другие богатыри айыы спускаются в подземный мир – в страну богатырей абаасы (дьяволы) – и вступают с ними в бой. В отличие от богатырей айыы якутского олонхо Гэсэр ведет бой только на своей родине, он сбрасывает в глубокую яму всех изловленных им мангадхаев (мангусов, которые стремятся уничтожить богатыря). Здесь можно предположить, что подземелье в эпосах ассоциируется с потусторонним миром, а в образах абаасы и чудовищ отражаются образы врагов из иных племен.

Образы главных героев

В образной системе эпосов богатыри играют главную роль. Свое восхищение главным героем олонхо Суорун Омоллон выразил такими словами: «Кто мыслит образами и наделен способностью понимать и постигать красоту и глубину мысли народного гения, тот найдет в якутском олонхо гимн человеку, одерживающему победу над чудовищными противоречиями природы и общества, стоящему за коллектив, за народ» [14, с. 34].

Образы Нюргуна и Гэсэра трактуются в плане героической идеализации. Судьбы этих защитников своих

родов похожи, оба они рождены для славных побед. Когда родился Нюргун:

Дрогнуло небо во всю свою ширь.
Загремел, всколебался подземный мир,
Потрясся Средний мир,
Треснул всей твердыней своей,
Трещинами пошел [15, с. 61].

А Абай Гэсэр трехлетним малышом уже обладал богатырской силой и отомстил за своего отца:

Взял [он] в правую руку копьё
Отцовское блестяще-серебряное,
Повесил через плечо
Блестяще-серебряный меч.
На светло-голубого коня,
Не оседлав, [он] вскочил,
На восток от юрты родной
В погоню [за врагом] помчался [16, с. 220].

Оба они сыновья небожителей, на землю явились для спасения человечества. Веление Белого Юрюн Аар Тойона, живущего и восседающего «на широком нижнем кругу Восьмислойных, огненно-белых небес, на вершине трехъярусных Светлых небес» и сотворившего «добросердечных людей Солнечного рода айыы с поводьями звонкими за спиной», было таково:

Надо этого богатыря
На землю опустить –
В Средний обитаемый мир,
Где раздор идет и война.
Передайте ему веленье судьбы,
Что должен он защитником стать
Племен айыы-аймага,
Людей с отзывчивою душой,
С поводьями звонкими за спиной!
Да будет заступником он
Солнечного рода айыы,
Поселенного на земле! [5, с. 60]

В бурятском улигере «тысяча светлых небесных бурханов» принудили младенца Гэсэра спуститься вместе с тремя его сестрами-кукушками на «Замби – широкую землю» одолеть врага [5, с. 224].

С самого рождения якутский и бурятский богатыри отличаются от простых людей: у малыша Нюргун Боотура бурлят богатырские задатки:

Неломающийся костяк,
Непроливающаяся кровь.
Твердое тело его
Разрубить нельзя,
Толстую кожу его
Распороть нельзя;
Нрав у него крутой,
Рвется он в драку, в бой [5, с. 65].

А Гэсэр, хоть и родился с необычным обликом уродца («распластанный, будто лягушка, расплющенный, будто говешка»), но может предвидеть приход врагов, принимать невзрачный внешний вид, чтобы обезвреживать оборотней.

Они становятся подлинными богатырями только после того, как овладевают воинскими доспехами.

Нюргун Боотур:

Чем круче он спину сгибал,
Тем крепче ратный доспех
Тело его облегал.
Упругая, при повороте любом
Кольчуга растягивалась на нем.
Видно, он обрел, наконец,
Непробиваемую броню,
Боевую сбрую свою [5, с. 87].

Гэсэр:

Спину свою броней [защитил] –
Броней из булатной стали,
Позвонки свои прикрыл;
Грудь свою броней [защитил] –
Прочной, как кремень броней
Грудь свою прикрыл [6, с. 116].

Кони обоих богатырей описываются авторами необыкновенными, под стать богатырям.

У Нюргун Боотура конь:

Когда земли
Четверкой стальных копыт,
Градом взлетали за ним
Грузные глыбы камней,
Тучей летели за ним
Тысяча мелких камней.
Семисаженная грива коня
Расплатывалась на лету,
Черный, волнистый хвост,
Словно длинная лодка
В быстрой реке,
Со свистом ныряя, летел [5, с. 10].

У Гэсэра:

Тот поскакал, чуть касаясь
Вершин высоких гор,
Поскакал, чуть касаясь
Верхушек [остро]конечных деревьев.
Скачет он,
Две лошины в одну превращая,
Скачет он,
Сверкнув, словно падающая звезда [6, с. 78].

Кони Нюргун Боотура и Гэсэр Могучего участвуют во всех богатырских походах и подвигах, они умны, наделены даром человеческой речи и изображаются в эпосах как близкие и верные друзья богатырей.

Богатыри одерживают победу над своими врагами в таких жестоких сражениях.

Так ведет смертельный бой Нюргун Боотур:

С новой яростью
Ратоборцы взялись
Друг другу хребты ломать,
С десятикратной силой взялись
Друг другу ребра давить,
Так что хрустели мышцы у них,

Так что звенели жилы у них,

Так что трещали суставы у них [5, с. 120].

Такая же свирепая борьба описывается в «Абае Гэсэре Могучем»:

Словно быки, нагнув головы
И глядя исподлобья, пошли [друг на друга],
Как [две] грозовые тучи,
Столкнулись [друг с другом] они.
Столкнулись – бодаются, упираются головами
Будто изюбры, будто быки.
И началась смертельная схватка [16, с. 377].

Нюргун Боотур и Гэсэр Могучий не простые смертные, так как наделены волшебными способностями, с помощью которых побеждают своих врагов: Нюргун Боотур может превратиться «в нищего старичка, кургузого, с бельмами на глазу» [5, с. 240], он может растаять, как не бывал, а Гэсэр Могучий может превратиться в ворона, в коня.

В образах Нюргуна Боотура и Гэсэра Могучего сведены воедино лучшие человеческие черты и качества. Оба героя совершают множество богатырских походов в защиту своих соплеменников. Якутский богатырь в жесточайшем бою побеждает духа великого моря Муус-Кудулу, Уот Усутаакы-исполина, вскормленного кровью бесчисленных жертв, бесчестного вора Эсэх Харбыыра, богатыря полуденных бурных небес, Уот Усуму Тонг Дуурая. Бурятский богатырь одерживает победу над могучим Галхан Нурман-ханом, тринадцатоголовым асурайским желтым мангатхаем, стовосьмиговым мангатхаем, старухами-мангатхаями и др.

Главный герой олонхо – богатырь Нюргун Боотур Стремительный – родоначальник и защитник своего племени, наделенный эпико-героическими чертами: силой, мужеством, благородством и другими качествами. Он обладает непомерной физической силой, красивой наружностью и высокими моральными качествами. Мощност, величавость, грозност Нюргуна Боотура дается в развернутом описании его портрета:

Лес из лиственниц молодых
До пояса не доходит ему,
А темя его головы
Касается верхних ветвей
Могучих лиственниц вековых.
Телом кряжист,
В плечах непомерно широк.
Крепкие, мощные мышцы его,
Словно корни лиственниц вековых.
Голени прямые его,
Как два толстых длинных бревна
Из очищенных лиственниц молодых [15, с. 239].

Богатырство Гэсэра подчеркивается в описании его вида:

И Абай Гэсэр Могучий поднялся –
Как солнце в безоблачном [небе],
Как гибкий тростник –

[Таким] он стоял [16, с. 246].

Внешние данные эпического богатыря – сильного, здорового, храброго и красивого – отражены в словах:

Лицо его стало
Круглым, румяным.
Не дитя – богатырь!
Таким стал [Гэсэр].
Не мужчина – сокровище!
Таким стал [Гэсэр].

Шея его стала как у быка [16, с. 241].

В обоих произведениях в образах Нюргун Боотура и Гэсэра Могучего раскрывается образ совершенного человека, идеального героя – защитника родины, справедливого правителя, почитаемого своим народом. В олонхо благодарный народ посвящает своему спасителю Нюргун Боотуру такие слова:

Пред тобою склоняем спины свои,
Поклоняемся трем твоим
Темным теням!
Ты теперь нас от плена спас!
За то, что ты выпустил нас
Из подземной смрадной тюрьмы,
Мы гремящую славу твою пронесем
По трем великим мирам! [15, с. 233].

В улигере никто не прославляет героя, но своими героическими поступками бывает доволен сам богатырь:

Неодолимое
Я только что одолел,
Непобедимое
Я только что победил! [16, с. 412]

В этих шедеврах устного народного творчества содержатся вечные, непреходящие идеи этнопедагогики монголоязычных народов о благодарных потомках, уважающих родителей, почитающих родственные связи. Характерной для традиционного якутского и бурятского обществ нравственной ценностью является уважение старших, почитание своих предков, что обусловлено приписыванием им высшей мудрости, знания основ жизни.

Нюргун Боотур Стремительный вступает в смертельную схватку, защищая брата, сестру от абаасы, с почтительностью относится к старшему поколению, перед своими героическими походами непременно получает благословление родителей.

Также традиция почтения кровных связей описывается в улигере. Сын Гэсэра Ошор Огдо говорит такие проникновенные слова матери:

Мама, мама, вот что скажу:
Кто имеет мать,
Тот с великой тайгой наравне;
Кто имеет отца,
Тот с могучей тайгой наравне [16, с. 416].

В улигере красной нитью проходит непреходящая нравственная ценность – сыновний долг перед родителями. Гэсэр, перед тем как навсегда покинуть землю и

отправиться на небо, навещает родителей:

Слышал я: если обидеть отца,
Рухнет Сумэр-гора,
Слышал я, если обидеть мать,
Высохнет Молочное море [16, с. 417].

Гэсэру, с самого рождения сражающемуся с врагами, некогда было заботиться о своих родителях, но о них никогда не забывал:

Все думал: там без меня
Кормят ли вас
Или нет? [16, с. 417]

Сердце Гэсэра Могучего спокойно, потому что о престарелых его родителях заботится их внук Ошор-Богдо – сын Гэсэра.

Олонхо и улигер сближает непомерно богатая система изобразительно-выразительных средств, являющихся важной составной частью поэтики произведений. Высокие художественные достоинства эпосов, героический характер содержания находят свое выражение в поэтическом языке и в высоком стиле эпосов. Элементы системы изобразительно-художественных средств (сравнения, эпитеты, метафоры, гиперболы, повторы, семантические, синтаксические параллелизмы, богатый образный язык) складывались и отрабатывались в течение длительного времени. Героическому характеру содержания олонхо способствует гиперболность его образов, придающая поэтическому миру эпоса могучесть и величавость.

В развязке раскрывается разница в судьбах главных героев. Нюргун Боотур выступает создателем айыы аймага: принимает участие в женитьбе своих родственников, других богатырей, сам женится и остается жить в Среднем мире, выполняя напутствие своих небесных наставников:

Расплата и возмездие совершилось,
Смертные побоища окончились, ...
Вы были опущены на средний мир,
Чтобы стать родоначальником людей [15, с. 396].

А Гэсэр, завершив все свои дела на земле, сокрушив всех врагов, благословляет родителей и сыновей и покидает земной дом, возвращается на небо:

«...Отец мой и мать,
Живите благополучно, счастливо!
Мне же пора отправляться (обратно на небо)» –
Сказал Гэсэр и вышел из дома [16, с. 418].

Женские образы

Значительна роль женских персонажей в эпосах. Туйаарыма Куо и Айталы Куо близки своей неземной красотой, которая описывается с помощью всевозможных сравнений и эпитетов:

И вышла – светом даря,
Словно утренняя заря,
Румянцем, как вечер горя,
Как солнце в полдень,
Ярка и светла [15, с. 253].

Сквозь меха драгоценных одежд
Несравненные очертания видны
Нежного тела ее;
Светятся сквозь нежную плоть
Стройные кости ее;
Видно сквозь тонкие кости ее,
Как из сустава в сустав
Переливается мозг [15, с. 66].

Поражает слушателей не только их внешняя красота
– они добры, ласковы:

Приветливо, ласково поглядела
Участливым взглядом своим [15, с. 253].

О том, что Туйаарыма Куо умная, трудолюбивая и верит исключительно в свои силы, говорит тот факт, что, выходя замуж за Юрюнг Уолана, она у престарелых родителей в качестве приданого ничего не берет, кроме:

... она телячий намордник взяла,
Жеребчий колючий
Нарыльник взяла,
Да ковш хамыйах
С собой забрала [15, с. 295].

Девушки айы, считая своим предназначением продолжить род человеческий, верны своим суженым: нет случая, чтобы они предали их. Они проходят через тяжелые испытания, которые выдерживают со стойкостью. Недаром о Туйаарыме Куо сам Нюргун Боотур говорит:

... избранная в роду
Солнцерженных людей
С поводьями за спиной,
Жаворонок зоревой,
Синичка с грудкою золотой;
Светлая мыслью,
Смелая духом
Светозарная Туйаарыма Куо [15, с. 214].

Особую находчивость, изобретательность ума и героизм Туйаарыма проявляет в плену у богатырей абаасы. Если до пленения в домашних условиях она была слабой, беспомощной и изнеженной, то в плену она преобразуется. Ради спасения себя и ребенка она становится необыкновенно изобретательной: хитроумными советами помогает Нюргуну Боотуру, явившемуся спасти ее. В конце концов, благодаря смелости, стойкости характера, верности любимому человеку она обретает женское счастье.

В отличие от нее у прекрасной Кыыс Нюргун воинствующий, крутой характер, однако и она не отходит от судьбы других женщин срединного мира и становится невестой Нюргун Боотура.

В бурятском эпосе разнотипны по своему характеру и действиям две жены Гэсэра: Санхан Гохон (земная жена) и Гагурай Ногон (небесная жена). Санхан Гохон – мать трех его сыновей, помощница, хранительница очага. Она спасает мужа, когда он попадает в плен к мангатхаю (чудовищу) и тот волшебством превращает

его в коня. Обманув старуху-мангатхайку, Санхан Гохон приводит Гэсэра домой, возвращает ему человеческий облик, с помощью целebного можжевельника и живой воды восстанавливает силы и разум. Образ Санхан Гохон воспринимается как символ женской верности и материнской любви. Нравственным антиподом этой земной жены Гэсэра является его вторая жена – Гагурай Ногон. Она поддается уговорам старухи-мангатхайки, предает Гэсэра и уходит к мангатхаю. У двух жен Гэсэра разные судьбы. Санхан Гохон остается с ним, несмотря на все жизненные невзгоды, и в конце познает счастье семейной жизни, ее окружают почет и уважение. Гагурай Ногон нарушает клятву верности, совершает предательство, поэтому, в понимании создателей эпоса, сама утрачивает свою опору, и ее дальнейшая жизнь уже лишена разумного смысла. В конце повествования Гэсэр наказывает ее, желая, чтобы она осознала тяжкий грех отступничества и поняла в полной мере свою вину.

В отличие от жен Гэсэра в «Нюргун Боотуре Стремительном» биография женщин айы описывается наиболее полно – они любимые дочери своих родителей. В любви и ласке росла Туйаарыма Куо:

... выращенная в неге, в любви
Благородными матерью и отцом,
Говорившими о тебе:
Зеница нашего ока – она!
Белых наших зубов она –
Розовая десна!
Чтобы копать с чистых небес
Не омрачила твою красоту,
Они в собольи меха
Укутывали тебя;
Чтобы пыль с лучезарных небес
Не запылила твою красоту,
Мехом рыси
Они укрывали тебя... [15, с. 214].

Сестра Нюргуна Боотура Айы Умсуур удаган выручает героя в самые тяжелые минуты, предупреждает о предстоящих опасностях, благословляет его, добывает живую воду для спасения жизни братьев.

Как отметил А. П. Окладников, в бурятском улигере ей соответствуют сестры героя [18, с. 26]. Три старшие сестры Гэсэра выполняют роль покровительниц богатыря. Они наблюдают за тем, что делается на земле, за действиями врагов Гэсэра. Так, приняв облик сорок, сестры предупреждают богатыря о приближении митурайского мангатхая, одолеть которого можно лишь за пределами родной земли.

Образы персонажей враждебного лагеря

Так как эпос любого народа отражает противостояние «добра» и «зла», система образов в обоих эпических памятниках включает в себя и положительных, и отрицательных персонажей эпоса.

Многочисленны в эпосах персонажи, воплощающие силы враждебного лагеря, противостоящие Нюргуну

и Гэсэру. Это – абаасы и мангадхай (мангусы). Прав был А. П. Окладников, когда писал: «...не один только центральный образ якутского эпоса подтверждает общность его героев с главными героями монгольских и тюркских былин. Такое же сходство нетрудно обнаружить и у многих других эпических героев как среди друзей богатыря, так и среди врагов» [18, с. 25].

В якутском олонхо «абаасы-аймага» (букв.: «родственники черта») рисуются как злые и безобразные чудовища – это однорукие и одноногие циклопы. Они наделены всеми мыслимыми пороками (злостью, жестокостью, похотливостью, нечистоплотностью). Богатыри абаасы нападают на людей, грабят и разрушают их страну, похищают женщин. Похищение женщин в олонхо показывается как символ всех обид, оскорблений и унижений людей. При всем этом богатыри абаасы носят бесспорные человеческие черты.

Противники богатырей представляют собой полную противоположность главным героям. Внешность раскрывается с помощью карикатурно-сатирической гиперболизации. В олонхо Платона Ойунского богатырь нижнего мира предстает таким:

Едкий, как щелочь,
Единственный глаз
Словно из ущелья глядит
Из прищура бугристых век;
Его единственная нога
Раздвоилась в колене кривом,
Разрослась она вкривь и вкось;
Его единственная рука
Разветвилась у локтя на две руки [15, с. 196].

Не менее комичен в описании улегершина внешний вид мангатхая.

В варианте М. Имегенова мангатхай связаны между собой родственными отношениями, составляют одну большую семью. Самая старшая из них – 97-летняя старуха-мангатхайка, у нее в тайниках хранятся души всех мангатхаев. Множество голов символизирует силу и живучесть чудовищ. Чтобы победить окончательно этих чудовищ, надо изловить и уничтожить их души, иначе они воскресают и вновь сеют зло на земле. Обезвредить мангатхая можно отсечением его основной головы. Чудовища обладают не только огромной физической силой, но и сверхъестественными способностями, против которых Гэсэр иногда бессилен. Вооружение у них древнее, примитивное: у мужчин – топоры и дубины, у женщин – кожемалки. Богатырь сражается не только с мадгатхаями, но и с другими врагами: с оборотнями-парнями, железноклювыми воронами, огромным комаром, с великаном Галхан Нурман-ханом, с огромным змеем, бешеными волками и др.

В борьбе с абаасы и чудовищами раскрываются длинные богатырские черты главных героев якутского и бурятского эпосов.

Однако в сюжете обнаруживается существенное от-

личие: Нюргун сражается со своими врагами, защищая жизнь своих соплеменников, лично сам он не испытывает нападений со стороны абаасы и ведет борьбу во всех трех мирах, а в «Гэсэре» враги Гэсэра стремятся уничтожить самого богатыря, и бои идут только на его родине.

Шаманки абаасы похотливы, кроме того, у них нестерпимо желание выйти замуж за богатыря айыы. Для этого они готовы предать даже родного брата – главного противника героя. Пользуясь этой их слабостью, побежденный ими богатырь айыы дает обманное обещание жениться на шаманке-победительнице и совершает с ней различные сделки против ее брата. Это соглашение шаманка абаасы выполняет, а богатырь айыы – нет. Иногда богатыри айыы и абаасы становятся побратимами, что носит временный характер, так как постоянная дружба и побратимство с абаасы в олонхо считаются невозможными. Все это говорит о том, что в образе богатырей абаасы, пусть в мифологизированном и фантастическом виде, отражены черты реальных древних племен, с которыми некогда воевали предки современных якутов.

Заключение

Богатство содержания олонхо и улигера – это результат многовекового развития героического эпоса якутов и бурят. Эпосы отражают через призму эпического художественного вымысла исторический путь развития народа в устоявшейся эпической форме, выбрали в себя наиболее значимые явления истории и культуры своих творцов.

В олонхо и улигере можно обнаружить комплекс нравственных норм предписанного поведения, систему идей, имеющих наивысшее ценностное значение для общества, реализацию представлений об идеальных социальных отношениях и идеальном представителе социума, воплощающем их в жизнь.

Сопоставительный анализ образной системы эпосов якутского и бурятского народов приводит нас к заключению: якутский и бурятский эпосы имеют, несомненно, жанрово-типологическую близость, обусловленную прохождением данными народами одних и тех же этапов в своем историческом, этнокультурном развитии. Об этом пишет в своей статье бурятский исследователь А. Н. Дамбаева: «Сравнительное изучение фольклора данных народов показывает, что в их устном творчестве распространены общие сюжеты, мотивы, образы. Сходные мотивы появляются, прежде всего, по законам типологического схождения, основанного на общности образа жизни, идеалов, чаяний и ожиданий» [17].

Анализируемый нами материал подтвердил тот факт, что зарождение и развитие олонхо и улигера протекало в условиях тесных культурно-исторических столкновений, взаимодействий, взаимовлияний данных народов на разных этапах своего развития в общем котле прототюрко-монгольских народов, что эпосы

обоих народов возникли на стыке исторических судеб и древних духовных контактов многих племен и народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири, среди которых были предки тюрко-монгольских этносов.

Сравнительное изучение эпосов позволяет признать, что в эпосах народов мира так же, как и в олонхо заложена великая идея планетарного единства и сплоченности людей Среднего мира, т. е. человечества, что потенциал эпического наследия сегодня далеко не исчерпан, что эпическое сознание все еще продолжает влиять на многие процессы этнокультурного развития.

Л и т е р а т у р а

1. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1984. – 309 с.
2. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974.
3. Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. – М.: Наука, 1980. – 230 с.
4. Емельянов Н. В. Сюжеты ранних типов олонхо. – М.: Наука, 1983. – 245 с.
5. Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
6. Ксенофонов Г. В. Пролог к богатырским былинам якутов: олонхо [из былины «Эрэйдээх Буруйдаах-Эр Соҕотокх» / пер. с якут. Г. В. Ксенофонтова] // Сибирские огни. – 1927. – № 2. – С. 64-67.
7. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – М.: ИВЛ, 1963. – 462 с.
8. Окладников А. П. Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом. – Якутск: Изд. «Сайдам», 2013. – 62 с.
9. Ойунский П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Вып. 1. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1927. – С. 98-139.
10. Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. – Якутск: Изд «Сайдам», 2013. – 46 с.
11. Пухов И. В. Якутский героический эпос – олонхо. – Якутск: Якутский филиал Издательства СО РАН, 2004. – 206 с.
12. Тулохонов М. И. Варианты бурятского эпоса «Гэсэр». Бурятский героический эпос. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с.
13. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974. – 402 с.
14. Сивцев Д. К. – Суорун Омоллоон. О якутском олонхо. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2011. – 34 с.
15. Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический

эпос олонхо. Воссоздал на основе народных сказаний Платон Ойунский. – Якутск: Кн. Изд-во, 1975. – 432 с.

16. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 526 с.

17. Дамбаева А. Н. Героический эпос народов Центральной Азии и Южной Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012.

References

1. Nekliudov S. Iu. Geroicheskii epos mongol'skikh narodov: ustnye i literaturnye traditsii. – M.: Gl. red. vost. lit-ry, 1984. – 309 s.
2. Zhirmunskii V. M. Tiurkskii geroicheskii epos. – L.: Nauka, 1974.
3. Emel'ianov N. V. Siuzhety iakutskikh olonkho. – M.: Nauka, 1980. – 230 s.
4. Emel'ianov N. V. Siuzhety rannikh tipov olonkho. – M.: Nauka, 1983. – 245 s.
5. Emel'ianov N. V. Siuzhety olonkho o rodonachal'nikakh plemeni. – M.: Nauka, 1990. – 208 s.
6. Ksenofontov G. V. Prolog k bogatyrskim bylinam iakutov: olonkho [iz byliny «Ereideekh Buruidaakh-Er Soḡotokh» / per. s iakut. G. V. Ksenofontova] // Sibirskie ogni. – 1927. – № 2. – S. 64-67.
7. Meletinskii E. M. Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa. Rannie formy i arkhaischeskie pamiatniki. – M.: IVL, 1963. – 462 s.
8. Okladnikov A. P. Iakutskii epos (olonkho) i ego sviaz' s iugom. – Iakutsk: Izd. «Saidam», 2013. – 62 s.
9. Oiunskii P. A. Iakutskaia skazka (olonkho), ee siuzhet i sodержanie // Sbornik trudov issledovatel'skogo obshchestva «Sakha keskile». Vyp. 1. – Iakutsk: Iakutknigoizdat, 1927. – S. 98-139.
10. Pukhov I. V. Olonkho – drevnii epos iakutov. – Iakutsk: Izd «Saidam», 2013. – 46 s.
11. Pukhov I. V. Iakutskii geroicheskii epos – olonkho. – Iakutsk: Iakutskii filial Izdatel'stva SO RAN, 2004. – 206 s.
12. Tulokhonov M. I. Varianty buriatskogo eposa «Geser». Buriatskii geroicheskii epos. – M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1995. – 526 s.
13. Ergis G. U. Ocherki po iakutskomu fol'kloru. – M.: Nauka, 1974. – 402 s.
14. Sivtsev D. K. – Suorun Omolloon. O iakutskom olonkho. – Iakutsk: Izdatel'skii dom SVFU, 2011. – 34 s.
15. Niurgun Bootur Stremitel'nyi. Iakutskii geroicheskii epos olonkho. Vossozдал na osnove narodnykh skazanii Platon Oiunskii. – Iakutsk: Kn. Izd-vo, 1975. – 432 s.
16. Abai Geser Moguchii. Buriatskii geroicheskii epos. – M.: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1995. – 526 s.
17. Dambaeva A. N. Geroicheskii epos narodov Tsentral'noi Azii i Iuzhnoi Sibiri // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2012.

